

НОВАЯ ГАЗЕТА

НЮРНБЕРГ. ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ • ПОЛИТИКА

Мораль истории

Документы Нюрнбергского трибунала. «Известия», 1 декабря 1945 года, статья Ильи Эренбурга

14:54, 22 марта 2025,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Эксперты указывают, что Гесс впервые «потерял память», узнав о катастрофе немецкой армии под Сталинградом. Пока немцы завоевывали мир, Гесс хорошо помнил и про свои титулы, и про свои доходы. Он вспомнил, что можно не помнить только тогда, когда на фашистов нашлась управа. Потом ему надоело разыгрывать больного, и он «вылечился». Он снова «заболел», когда Красная Армия вступила в Германию. Услышав о боях в Восточной Пруссии, Гесс решил забыть все раз и навсегда.

Он не одинок в этом желании: Риббентроп недавно заявил, что, будучи существом чрезвычайно нервным, он принимал бром и потерял память. Услышав заявление Риббентропа, Гесс не выдержал, рассмеялся: его развеселил плагиатор.

Я говорю об этом не потому, что меня интересуют уловки того или иного злодея. Беспамятство Гесса и полубеспамятство Риббентропа представляются мне глубоко символическими: разбитый фашизм ссылается на потерю памяти. Если вы спросите рядового злодея, который жег хаты в Белоруссии и убивал детей, что он делал в годы войны, он вдохновенно ответит: «Сажал картофель» или «разводил гусей». Случайно уцелевший в разбитом Нюрнберге военный завод изготавливает теперь портсигары-сувениры с надписью: «На память о Нюрнбергском процессе», и, конечно же, директор не помнит, что еще недавно завод выпускал танки...

Мнимые больные, вероятно, надеются, что потерей памяти заболеют не только преступники, но и жертвы: много дали бы Гесс и Риббентроп за то, чтобы народы забыли страшные годы.

Но народы помнят все, и страница за страницей

разворачивается в Нюрнберге история низости, свирепости, злобы.

В чем значение Нюрнбергского процесса? Бывают судебные разбирательства, приковывающие внимание своей запутанностью, состязанием сторон, зыбкостью улик или личностью подсудимых. Все человечество вынесло свой приговор над фашизмом задолго до Нюрнбергского процесса. Да и процесс этот стал возможным только потому, что народы, возмущенные злодеяниями фашистов, поклялись уничтожить зло. Мы слышим летопись зла, которую знаем наизусть, — не чернилами написана она, а кровью, — кровью наших близких. Мы слышим книгу, содержание которой нам известно.

Что касается личностей подсудимых, то что о них сказать? Перед нами мелкие злодеи, совершившие величайшие злодеяния. Каждый из них душевно и умственно настолько ничтожен, что, глядя на скамью подсудимых, спрашиваешь себя: неужто эти злобные и трусливые выродки обратили Европу в развалины, погубили десятки миллионов людей?

Но если для созидания нужен гений, для разрушения его не требуется: убить Пушкина мог и дегенерат, сжечь книги Толстого мог и дикарь.

Люди, которых судят в Нюрнберге, духовно и морально не возвышаются над сотнями тысяч им подобных, от рядовых фашистов они отличаются только большей алчностью, большей жестокостью, концентрацией злой воли.

На скамье подсудимых не только два десятка кровожадных гангстеров, на скамье подсудимых фашизм, его волчья

идеология, его коварство, его аморальность, его спесь и его ничтожество. Если люди из всех стран мира с'ехали в разрушенный Нюрнберг, то не только для того, чтобы присутствовать при примерном наказании двадцати преступников, но затем, чтобы, развернув перед народами кровавый свиток — свехисторию невиданного злодеяния, спасти детей от возврата чумы. Мы глядим на развалины — мечтаем о городах будущего. Мы видим маски детоубийц, и мы думаем о колыбелях.

ПОДПИСЬ К ФОТО

Диагноз

Единственным человеком из сотен людей, занятых на Нюрнбергском процессе, имевшим постоянный беспрепятственный доступ к обвиняемым в зале суда и в их камерах, был офицер американской военной разведки и психиатр доктор Джильберт. Он — из семьи австрийцев-эмигрантов, немецкий для него родной. Вместе с американскими войсками он входил в Дахау и собственными глазами видел, что такое фашизм и нацизм на практике. Все подсудимые охотно общались с ним, даже антисемит Штрейхер, несмотря на то что доктор Джильберт — еврей.

Доктора Джильберта, как и многих других тогда и до сих пор, занимал вопрос: являются ли обвиняемые на Нюрнбергском процессе каким-то особым типом вырожденков с дегенеративными чертами или все-таки людьми? Другой участник процесса, руководитель секретариата советской делегации Аркадий Полторак,

тоже наблюдавший подсудимых с близкого расстояния, много лет спустя писал, что «почти никто из подсудимых не производил впечатления озверевшего эсэсовца. Некоторых из них... можно было принять за весьма респектабельных джентльменов... Ничего зверски палаческого не проглядывало и в Геринге».

Доктор Джильберт проводил с обвиняемыми тесты IQ, на этих тестах они не показывали патологически низких результатов. Наивысший балл среди обвиняемых в тесте IQ получил президент Рейхсбанка и министр экономики Ялмар Шахт, который в конце войны провел 10 месяцев в концлагере по обвинению в саботаже. Геринг показал второй результат, что его очень расстроило, ибо он очень хотел быть первым.

Подсудимый Геринг. Фото: архив

Я не знаю, почему в свое время гитлеровцы облюбовали Нюрнберг: здесь они устраивали свои с'езды, здесь маршировали автоматы с автоматами, которые потом вытоптали сады Европы. Одни говорят, что Нюрнберг был городом древностей, и фашисты хотели связать свои дела если не с живописью фюрера, то с историей былых завоеваний. Другие уверяют, что Нюрнберг был просто узловой станцией с изрядным количеством гостиниц. Добавляю, что некогда Нюрнберг славился своими палачами. Был в этом городе музей средневековых пыток. Может быть, он привлек внимание изуверов двадцатого века?

Избрав Нюрнберг, точнее то, что было когда-то Нюрнбергом, для Международного Военного Трибунала, Об'единенные нации решили судить злодеев в городе, где готовились их злодеяния. Геринг старается прикинуться беспечным, не понимающим,

почему его обидели. Он заявил репортерам, «что ответствен только перед немцами». Что же, пусть, глядя на развалины Нюрнберга, Геринг вспомнит, не он ли обещал немцам, что ни одна вражеская бомба не упадет на немецкие города. Пусть вспомнят и он, и его коллеги слова фюрера: «Только немец будет впредь носить ружье, но не русский, не поляк и не чех». Перед зданием трибунала стоят с ружьями русские гвардейцы. Так, а что делает «народ господ» среди развалин Нюрнберга? Подают кофе, чистят сапоги, белят стены трибунала (это легче, чем обелить себя в глазах мира).

Я не сказал бы, что подсудимые чересчур удручены. Обстановка суда их успокаивает: они ведь привыкли к своим «судам», где с обреченными разговаривали не юристы, а мастера заплечных дел.

Утром до начала заседания подсудимые оживленно беседуют друг с другом — Геринг старается развеселить Деница, Розенберг советуется с Франком, Папен — обучает Бальдур фон Шираха.

В такие минуты им кажется, что ничего не произошло, они собрались в передней у фюрера и обсуждают, какую страну зарезать. Потом ими овладевает страх: ведь впереди не трофеи и не ордена, а два столба с перекладиной. И сразу старее на двадцать лет Риббентроп, нервно чешется Штрейхер, а у Розенберга отвисает нижняя челюсть.

Они живут в лихорадке от иллюзорных надежд на спасение до животного ужаса. Никто из них не думает о немецком народе, и никакие былые титулы не скроют одного: перед нами

гангстеры, пойманные с поличным гангстеры, которые двенадцать лет разыгрывали государственных деятелей. Каждый из них, как вульгарный «фриц», взятый в плен, пытается свалить все на фюрера. Кейтель, один из столпов Третьего рейха, прикидывается рядовым солдатом, он, дескать, только выполнял приказы, а фон Риббентроп клянется, что дипломаты Гитлера не отвечают за солдат Гитлера.

ПОДПИСЬ К ФОТО

Смотрящие

Доктор Джильберт в разговорах с обвиняемыми больше слушал, чем говорил. Он задавал им вопросы и показывал свой интерес к их рассказам, мыслям и переживаниям. Его задачей было поддерживать в них ровное и спокойное отношение к тому, что с ними происходит. Срывы, истерики, неадекватное поведение могли помешать суду.

Двое подсудимых внушали особенные опасения, психиатр подозревал их в том, что они являются психически больными.

Первый — издатель антисемитской газеты «Штюрмер» Юлиус Штрейхер. Он был обособлен в среде подсудимых. Другие подсудимые относились к нему с презрением, как к тупой и грязной твари, не хотели иметь с ним контактов. Во всех разговорах у него была одна тема — евреи. На эту тему он готов был говорить круглые сутки, причем считал себя большим специалистом в расовой теории. Утверждал, что к делу «решения еврейского

вопроса» призван свыше.

К антисемитскому бреду у Штрейхера добавлялся эротический бред. Другой подсудимый, генерал Йодль, назвал его «порнограф-журналистом».

Штрейхер утверждал, что ребенок Геринга зачат в пробирке.

Также утверждал, что в Гиммлере текла негритянская кровь.

Доктор Джильберт терпеливо и сдержанно выслушивал его помойные излияния, но в своем дневнике, который он вел каждый день процесса, предположил у Штрейхера паранойю и назвал его «нечистоплотной извращенной натурой».

Психиатрическая экспертиза в составе трех врачей признала Штрейхера вменяемым, несмотря на навязчивые идеи.

Второй заподозренный в психической болезни — Рудольф Гесс, который с начала процесса утверждал, что ничего не помнит. Он не узнавал себя в фильме о нацистских преступлениях, который был показан в зале суда, не помнил своих поступков. Психиатрическая экспертиза признала его амнезию подлинной, но при этом отказала ему в статусе невменяемого. Экспертиза ошиблась — вскоре Гесс сам объявил свою амнезию симуляцией и уловкой.

Еще одной задачей доктора Джильберта было предотвращение самоубийств обвиняемых. Они не

должны были, как покончивший самоубийством в камере Лей, уйти от приговора и наказания. Некоторые из них пытались это сделать. Гесс в Англии дважды предпринимал попытку самоубийства, поэтому в Нюрнберге его периодически держали в наручниках. Покончить самоубийством после ареста пытался и нацистский генерал-губернатор Польши Ганс Франк, в результате неудачной попытки у него были повреждены сухожилия обеих кистей. Он не мог шевелить пальцами и постоянно носил перчатку на левой руке. Франк в камере имел мистические видения, ему являлись процессии убитых евреев и поляков, а также Гитлер, о котором Франк говорил: «Гитлер олицетворял абсолютное зло на Земле». И: «Если бы один из нас нашел мужество пристрелить его!»

В тюрьме до самоубийства Лея один солдат наблюдал за четырьмя камерами. После самоубийства Лея количество солдат в тюремном коридоре увеличили в четыре раза, теперь за каждым заключенным велось круглосуточное непрерывное наблюдение.

Фото: архив

Я их увидел на скамье подсудимых! Об этом часе я думал под Ржевом, у горевшего Брянска, в Киеве — перед Бабьим Яром, в Минске и в Вильно. Я гляжу на них, и я вспоминаю их дела — улицы Парижа, по которым шли солдаты Кейтеля, наших девушек, затравленных Заукелем, горе Польши, там резвился Франк, пепел Белоруссии и Украины — там свирепствовал Розенберг.

Только ли восемь судей их судят? Нет. В нюрнбергском зале мои братья, мои сестры, пленные, уморенные голодом, дети,

задушенные в душегубках, тени Майданека, Освенцима, Треблинки и кровь заложников, и пепел русских городов, и черная рана Ленинграда. Судит человечество, и судит каждый.

В судебном зале барельеф: Адам и Ева. Может быть, немецкие воришки, которых когда-то здесь судили, и думали о грехопадении. Эти же изверги не нуждаются в таком напоминании: они хорошо знают, что делали, — этих никто не соблазнял, они сами соблазнили миллионы своих соотечественников. Когда Геринга спросили, какую должность он занимал в Третьем райхе, он стал считать по пальцам свои титулы, а насчитав десять, усмехнулся: «Хватит!» Он не забыл упомянуть, что он был «начальником имперского лесного управления» и «председателем имперской охоты». Зато умолчал о тресте «Герман Геринг».

С этим толстым шутом связаны все преступления фашизма — от поджога Рейхстага до поджога Европы. Обучая фашистских недорослей, как убивать беззащитных, Геринг говорил: «Всю ответственность я беру на себя». Теперь он жаждет одного: уйти от ответственности. Он думает изумить если не мир, то, по крайней мере, журналистов своей любезностью, он швыряет улыбки и вздохи, как прежде он швырял на мирные города фугаски. Он кротко жует галеты. Может быть, мы забыли, как он деловито сожрал Чехословакию? Не он ли организовал голод в захваченных немцами странах? Не он ли об'ел, раздел и разул Европу? Еще в довоенное время он назвал одну из своих статей «Искусство нападать». Теперь то и дело он шлет взволнованные записочки своему адвокату: он изучает новое искусство — он защищает не Германию, а себя, толстого Германа. Автор знаменитой «Зеленой папки», он хотел превратить Россию в немецкую колонию. Теперь он внимательно смотрит на погоны советских офицеров. Этот предводитель фашистских орд — к тому же тривиальный воришка. В 1940 году, когда немцы только-только начинали обирать Европу, Геринг уже хвастал перед Розенбергом: «У меня самая богатая коллекция живописи

и скульптуры». Он сжигал города, но свозил в свой дом картины, он вешал девушек, но собирал статуи нимф. Несмотря на тюремный режим, он тучен: пиявка, нажравшаяся крови, и не веревку придется для него приготовить, а солидный морской канат.

Психующего Гесса фашисты называли «совестью нацистской партии». Как будто может быть совесть у бессовестных! Во время заседаний Гесс читает полицейские романы; он слишком хорошо все помнит, этот беспамятный, и рассказами о чужих преступлениях хочет отвлечь себя от своих.

Глядя на советский флаг рядом с английским, он, наверно, вспоминает майскую ночь и прыжок в Шотландии. Он думал пить русскую водку и курить английские сигареты. Вместо этого его приволокли в Нюрнберг. Что же ему делать, как не прикидываться Рудольфом Непомнящим?

Бывший фельдмаршал Кейтель — типичный солдафон: квадратное лицо, квадратные манеры. Он верно служил своему фюреру, и немецкие генералы, сидя в гитлеровской лакейской, называли фельдмаршала «лакейтелем». Однако он был не простым лакеем, ему незачем прибедняться: невинных он истреблял не по приказу, а по вдохновению. Он разработал план коварного нападения на Советский Союз: «план Барбаросса». Стоит отметить, что, как гангстеры, фашистские главари, подготавливая свои кровавые дела, называли их по-блатному. Если вторжение в Россию было «планом Барбаросса», то захват Австрии именовался «планом Отто», захват Польши — «дело Гимmlера», а готовившееся с помощью генерала Франко

нападение на Гибралтар обозначалось: «предприятие Феликс». Кейтель приказал «стереть Петербург с лица земли». Он ввел клеймение советских военнопленных. Он изрек: «На Востоке человеческая жизнь ничего не стоит». Однако он высоко ценит свою жизнь: убийца миллионов хочет задержаться на земле, но земля под ним расступается.

Джон Вудс. Архивное фото

ПОДПИСЬ К ФОТО

Палач

Мастер-сержант Джон Вудс приготовил три эшафота.

На каждый ведут двенадцать ступенек.

Третий эшафот — запасной.

Аркадий Полтораки, руководитель секретариата советской делегации на Нюрнбергском процессе, видевший Вудса, описал его как человека «среднего роста, коренастого, с крупными чертами лица».

Про Вудса известно мало достоверного. Есть сведения, что в двадцатые годы он был призван во флот, но дезертировал. После ареста медицинская комиссия признала его психопатом. Во время Второй мировой войны снова призван и вместе со своим 37-м саперным батальоном в первый день вторжения высаживался на пляже Омаха, где увидел кровавую мясорубку войны; он решил, что с него хватит, и откликнулся на призыв военной полиции, которая искала добровольцев-палачей. Сам он утверждал, что является палачом-профессионалом и повесил двух людей в Техасе и двух в Оклахоме, но в этих штатах людей не вешали, а казнили на электрическом стуле. Вполне вероятно, что палачом десяти руководителей Третьего рейха (одиннадцатый, Геринг, покончил самоубийством) был дезертир и самозванец.

Сержант Вудс плохо рассчитал размеры люка, в который должны были проваливаться осужденные на казнь, поэтому они, ударяясь о края люка, разбивали себе лица и ломали носы.

На фотографиях казненных, где к телу каждого прикреплена бумажка с фамилией, видна запекшаяся

кровь на лицах.

С канатом, на который задумчиво смотрит мастер-сержант Вудс, тоже были проблемы. Вместо предписанной по палаческому регламенту быстрой смерти от перелома позвонков некоторые подсудимые по 15–20 минут висели в петле, прежде чем умереть от асфиксии. Из-за этого распорядок казни был нарушен: когда приводили очередного осужденного на смерть, предыдущий еще висел в петле, живой и с разбитой головой.

Вряд ли во многом уступает Кейтелю генерал Иодль. Этот тоже говорил, что Россию нужно усмирить огнем и свинцом. Теперь он нервно позевывает и прячется за широкую спину Кейтеля. И его заметят. Семь лет тому назад в Нюрнберге Иодль начал свое восхождение: здесь он разработал план захвата Чехословакии. Пусть он и кончит в Нюрнберге.

Иоахим фон Риббентроп забыл изыски прошлого. Будучи коммивояжером, он походил на жулика, будучи дипломатом, он походил на коммивояжера: он всегда опаздывал в осознании своего положения. Теперь он предвосхищает близкое будущее: он еще только подсудимый, а уже похож он на повешенного. Правда, порой он оживает, хочет выдать себя за дипломата. Это наивно: перед нами гангстер. Подготавливая захват Австрии, Чехословакии, Польши, он скрывал под дипломатическим мундиром лом и отмычку. Ему принадлежат достаточно откровенные слова: «Хлеб и сырье России нас вполне устроят»... Он ответит за этот хлеб: на него показывают пальцами миллионы свидетелей — матери, потерявшие сыновей, вдовы,

сироты, вся Россия.

Альфред Розенберг считался у фашистов «специалистом по русским делам». Это теоретик разбоя, философ грабежа. Вор еще не виданного в истории масштаба, он философствовал: «Через двадцать или через сто лет сами русские поймут, что Россия должна была стать жизненным пространством для Германии». Он грабил и оптом, и в розницу. Он вывозил пшеницу из России, но не брезгал и мелочами, — так, например, он позаботился о том, чтобы у евреев вырывали золотые зубы «за час или за два до операции» (так называли фашисты массовые казни). Это соперник Геринга: он тоже обожает произведения искусства. Он организовал целое воровское предприятие «Эйнзацштаб Розенберга» — вывозил из захваченных стран книги, полотна, статуи.

Можно продолжить галерею «эстетов»: палач Польши Ганс Франк, лысый и отвратительный человек, в свою очередь стащил картину Леонардо да Винчи. Он говорит: «Я затрудняюсь сказать, сколько стоит эта картина, — я не знаток, да и цены на такие вещи меняются, но это стоящая вещица...» Франк организовал знаменитые «лагеря смерти», он истребил миллионы поляков и евреев. Он составил восторженный отчет об уничтожении варшавского гетто, сообщал, что канализационные трубы, в которых укрывались спасшиеся, он затопил водой. Он не забывал о барышах: считал, сколько пар штанов он получил после уничтожения гетто, и добавлял: «Из-под развалин может быть извлечен металлический лом». Конечно, теперь он валит все на Гиммлера: он, видите ли, не казнил, он только «переселял» с земли в землю. Он скромен: «Я был только административным карликом». Этот карлик за день пожирал десятки тысяч людей. На заседаниях он присутствует в больших дымчатых очках, и только раз я увидел глаза: глаза хорька в капкане.

Юлиус Штрейхер похож на старую жабу. На его совести

миллионы евреев всех европейских стран. Он разводит руками: помилуйте, разве он убивал! Он только хотел переселить евреев в Палестину. А его не поняли... Я — сторонник Герцля и сионист! Трудно придумать ложь глупее и трудно представить себе физиономию гнуснее. Я хотел бы забыть эту жабу, когда ее, как Франка, как прочих злодеев, «переселят в землю».

Вот тупой молодчик Бальдур фон Ширах, бездарный виршеплет и организатор «гитлерюгенд». Бычья шея, фаянсовые глаза. Он еще недавно говорил: «Мы все смертны, только Гитлер бессмертен». Теперь он придерживается другого мнения: хочет жить. Он называл планы фюрера «идеями полубога», теперь он говорит: «Идеи фюрера были порой идиотическими».

Вот старый мюнхенский полицай Вильгельм Фрик с рыбьими глазами. Он был министром внутренних дел, и до 1943 года сам Гиммлер подчинялся ему. Вот палач Голландии — Зейсс-Инкварт, специалист по заложникам. Вот главный торговец рабами, рыжий Заукель. Вот палач Чехословакии фон Нейрат. Гитлер ему сказал: «Вы человек современный, то есть хладнокровный, и справитесь с чехами». И что же, фон Нейрат начал хладнокровно убивать чехов.

Они все были «современными» — не моргая, душили детей. Только время их кончилось, страшное время.

В 1937 году Геринг говорил, что немцы будут воевать «по расписанию» и закончат захват чужих стран к 1945 году. Он не ошибся в дате; он ошибся в результате: недаром Красная Армия воевала четыре лютых года, она изменила немецкое расписание, и в 1945 году сверхчеловеков взяли за шиворот. Вот они на скамье подсудимых.

Чувствуешь горячее дыхание истории. Повесят преступников: того требует совесть. Но осудят не только фашистов — осудят и фашизм. Осудят тех, кто его породил, и тех, кто хочет его воскресить, — его предтеч и его наследников. Народы слишком много пережили горя, они не сводят глаз с Нюрнберга. Здесь и старая черногорка, детей которой немцы сожгли, и друзья Габриеля Пери, и та женщина из Мариуполя, которая говорила мне, что, когда ее дочку немцы раздели, девочка плакала: «Холодно, дяденька, я не хочу купаться», а «дяденька» ее закопал живой, здесь и вдова русского солдата, здесь и дети из Лидице, здесь все, здесь все мои близкие, все друзья, люди, в ком есть сердце, и все они говорят: «Уберите с земли фашистов! Уберите из душ, из голов миазмы фашизма. Пусть будут колосья, и дети, и города, и стихи. И пусть будет жизнь! Смерть смерти!»

Илья Эренбург, *«Известия»*, 1 декабря 1945 года

Этот материал вышел в пятом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в онлайн-магазине наших [партнеров](#).